

МАРКС И ЗАПАДНЫЙ МИР

I. К постановке вопроса

Я думаю, что организаторы симпозиума поступили совершенно правильно, предложив рассматривать идеи Маркса как таковые, в их первозданно-оригинальной форме, строго абстрагируясь при этом от всех позднейших интерпретаций и практически-политических приложений этих идей.

Это очень нелегко, учитывая ту огромную роль, которую играют эти идеи в напряженной духовной ситуации наших дней. Однако в качестве первого шага в диалоге между марксистами и немарксистами такую абстракцию произвести необходимо — ибо в противном случае симпозиум сразу же превратился бы в накаленную полемику по злободневным проблемам, стал бы чем-то вроде филиала одного из комитетов или подкомитетов Генеральной Ассамблеи и свою специфическую задачу не выполнил бы.

Но в таком случае мой собственный доклад, запланированный как прямая полемическая антитеза современным западноевропейским и американским интерпретациям идей Маркса, противоречил бы основному замыслу дискуссии. Поэтому я вынужден — если и не по существу, то по форме изложения — несколько отступить от темы, непосредственно предложенной мне в качестве заголовка доклада.

Я не хочу строить текст доклада как прямую полемику с теми или иными возражениями против идей Маркса, с теми или иными конкретными контраргументами. Я думаю, что лучший способ полемического опровержения — это позитивное изложение позиции, подвергающейся сомнениям.

К этому меня склоняет и то обстоятельство, что я лично знаком далеко не со всеми современными контраргументами, развернутыми в литературе Западной Европы и Северной Америки, а тем более в докладах на данном симпозиуме. Форма же позитивного изложения дает возможность учесть их имплицитно, хотя и в самой общей форме.

Ведь если верно, что всякое отрицание есть утверждение, то верно и обратное: утверждать идею — значит отвергать ее антитезу.

2. Маркс и «западная культура»

Я вполне согласен с утверждением, из которого исходили авторы проспекта данного симпозиума. А именно: Маркс — такой же «сын Запада», как Платон и Аристотель, как Декарт и Спиноза, как Руссо или Гегель, как Гете или Бетховен. Иными словами, система идей, именуемая «марксизмом», — это, естественно, созревший результат развития традиций «западной культуры», или, если быть совсем точным, — западноевропейской цивилизации.

Той самой цивилизации, которая в силу разных причин и обстоятельств была на протяжении последних столетий (примерно с XV—XVI веков) бесспорным авангардом всей земной цивилизации, всей материально-технической и духовно-теоретической культуры всего земного шара.

Стало быть, отказ «западной культуры» от Маркса — это отказ ее от известных — на наш взгляд — лучших, передовых традиций своего собственного прошлого.

3. Понятия «западного мира», «западной культуры»

Это понятие следует уточнить прежде всего. Это конечно же вовсе не географическое понятие. Куба, правда, лежит к востоку от США, но СССР расположен «западнее», чем Япония, а Северная Корея ничуть не ближе к Востоку, чем Южная.

Мир делится ныне на «западный» и «восточный» по иному критерию: этот критерий — форма собственности.

В этой расшифровке термины «Запад» и «Восток» — при всей их сбивающей с толку неточности — можно употреблять, если иметь в виду под «западным миром» ту часть современного мира, вся жизнь которой организована на основе частной собственности, а под «восточным миром» — ту его половину, которая стала на путь обобществления собственности, т. е. на путь социализма и коммунизма.

Альтернатива, о которой на самом деле идет речь, — это не альтернатива между «западным» и «восточным» миром с их традициями. Быть или не быть частной собственности — вот в чем вопрос. Такова жесткая дилемма, такова неумолимая альтернатива, перед которой в конце концов оказывается в наши дни любая страна, любая нация, а в последнем итоге — и любой индивид. Безразлично где — на Западе или на Востоке.

Так что граница между «Западом» и «Востоком» проходит вовсе не по Эльбе и не по Берлинской «стене». Она лежит гораздо глубже: трещина проходит через самое сердце всей современной культуры, вовсе не совпадая с географическими рубежами и политическими границами современного мира.

Она пролегает не только между партиями внутри одной и той же страны, но часто даже и через ум и сердце одного и того же человека.

Перед этой альтернативой стоим и мы, теоретики. И наш долг — разобраться в ней по существу, в чисто теоретических терминах, выяснив до конца все те теоретические предпосылки, которые лежат или могут лежать в основе выбора одной из двух позиций.

Итак, альтернатива, о которой идет речь, — это альтернатива не между «западным» и «восточным» миром и их культурами. Это — органически внутренняя дивергенция внутри самого «западного мира», т. е. говоря строже, внутри той части мира, которая на протяжении последних пятисот лет развивала свою культуру на основе («базисе») частной собственности (или, употребляя более лестную для этого мира, хотя и менее строгую, терминологию, — на основе «свободного предпринимательства»).

Именно на почве и внутри этого мира — как один из способов разрешения его собственных проблем, как теоретически найденный выход из его противоречий — и родился марксизм.

Россия, где в силу сложившихся обстоятельств марксизм впервые утвердился в качестве официально узаконенной идеологии, была интегральной частью «западного мира», и революция 1917 года была вынуждена решать типично «западную» проблему. Именно поэтому ее теоретиком и лидером оказался Ленин — такой же «сын Запада», как и Маркс.

Политические противники Ленина совсем не случайно упрекали его именно в упрямом «западничестве», в противоестественном стремлении насадить на русской почве якобы чуждые ей — «немецкие» — идеи. Наиболее грубые и злобные из них прямо называли его «германским диверсантом» и «агентом Вильгельма». Для них что Маркс, что Вильгельм — одинаково были «немцами».

Так что пытаться объяснять торжество идей Маркса в России 1917 года специфическими особенностями «восточной психики» — значит попросту выдавать черное за белое.

За эти «специфические особенности» и так называемые «традиции» русского духа цеплялись как раз противники марксизма, а «отсталость» экономического и культурного развития не только не способствовала утверждению идей марксизма на русской почве, но, как раз наоборот, была той наиболее косной силой, которая всячески этому сопротивлялась. С отсталостью была связана не «легкость», а, наоборот, трудность реализации этих идей — как в сознании, так и в экономике.

Победа идей Маркса в России была прямым следствием того факта, что Россия — при всей ее отсталости — была втянута в орбиту наиболее острых противоречий мира частной собственности. Именно мир частной собственности превратил тогда Россию, находившуюся на географической «периферии» западного мира, в центр и средоточие всех имманентных антиномий этого мира. Они-то и вызвали революционный взрыв.

Разумеется, то обстоятельство, что марксизм — как идейно-теоретический экстракт «западной культуры» — пришлось впервые реализовать на «периферии западного мира», т. е. в странах, наименее подготовленных к этому и в отношении материально-технического, и культурного развития, наложило известный колорит на процесс практической реализации идей научного коммунизма.

И те отрицательные явления, которые до сих пор старательно муссирует антикоммунистическая пропаганда на Западе, вытекали не из идей коммунизма. Как раз наоборот, они были следствиями косного сопротивления того материала, в преобразовании которого эти идеи пришлось реализовать. Они целиком объясняются как результаты «преломления» этих идей через призму унаследованной от дореволюционной России «специфики» и ее традиций — через призму «пережитков прошлого», как мы их называем.

(В скобках заметим, что это — «пережитки» не капитализма, а скорее добуржуазных, докапиталистических форм регламентации жизни, имевших в дореволюционной России особо прочную силу традиции. Если угодно, то именно их и можно было бы называть тем «специфически восточным» наследием, которое не имело и не имеет никакого отношения к существу социализма и коммунизма. Это наследие с его традициями как раз препятствовало здесь утверждению подлинных идей Маркса и Ленина, как раз оно-то и приводило в ряде известных случаев к их «искажению».)

Но о позднейших исторических судьбах и «позднейших интерпретациях» идей Маркса мы условились для начала не говорить. Поэтому вернемся к теме — к вопросу об отношении «оригинальных идей» Маркса к той культуре, на почве которой они и исторически, и по существу родились, — к так называемой «западной культуре».

4. «Западная культура» и частная собственность

Что вся «западная культура» развивалась и расцвела на почве «частной собственности» — это исторически достоверный факт. «Декларация прав человека и гражданина 1789 года» и «Декларация независимости» Джефферсона *, юридически зафиксировавшие эту форму собственности как основной принцип всего законодательства, были величайшими документами революционного значения. Они освобождали от оков сословно-

бюрократической регламентации колоссальные ресурсы человеческих способностей и создавали более широкие рамки для личной инициативы. В этом смысле вся материально-техническая и научно-теоретическая культура Европы и Северной Америки обязана своим существованием частной собственности, как своему условию *sine qua pop.* Этого не отрицал и не отрицает ни один здравомыслящий марксист. Напротив, теория марксизма всегда по справедливости оценивала исторически прогрессивную роль частной собственности, подчеркивая ее преимущества по сравнению с добуржуазными, сословно-феодальными формами организации человеческой жизнедеятельности.

И Маркс, и Энгельс начинали свою биографию именно в качестве наиболее радикальных теоретиков буржуазной демократии, в качестве наиболее решительных защитников принципа «частной собственности», которая сливалась тогда и в их глазах с принципом полной и безоговорочной свободы личной инициативы.

В качестве лидера революционной демократии Маркс, естественно, выступал против идей «обобществления собственности». «*Rheinische Zeitung*», которая не признает даже *теоретической реальности* за коммунистическими идеями в их теперешней форме, а следовательно, еще менее может желать их *практического осуществления* или же хотя бы считать его возможным, — «*Rheinische Zeitung*» подвергнет эти идеи основательной критике»¹.

Здесь — это 1842 год — молодой Маркс выступает еще как типичный представитель принципа «частной собственности», который сливается в его глазах с принципом полной и безоговорочной «свободы личной инициативы» в любой сфере жизни — будь то материальное или духовное производство. Именно поэтому он и отвергает коммунизм как теоретическую доктрину, которая кажется ему реакционной попыткой гальванизировать «корпоративный принцип», идеал Платона.

Однако факт распространения коммунистических идей Маркс рассматривает как симптом, как теоретически наивную форму выражения вполне реальной коллизии, назревающей внутри социального организма передовых стран Европы, — в этом смысле он и расценивает коммунизм как «в высшей степени серьезный современный вопрос для Франции и Англии»².

Что эта коллизия, бесспорно, существует, доказывает уже тот факт, что «Аугсбургская газета» использует слово «коммунизм» как бранное слово, как жупел. Позицию газеты Маркс характеризует так: «Она обращается в бегство перед лицом запутанных современных явлений и думает, что пыль, которую она при этом поднимает, равно как и бранные слова, которые она, убегая, со страху бормочет сквозь зубы, так же ослепляют и сбивают с толку непокладистое современное явление, как и покладистого читателя»³.

Для позиции Маркса чрезвычайно характерно здесь следующее признание: «Мы твердо убеждены, что по-настоящему *опасны не практические опыты, а теоретическое обоснование* коммунистических идей; ведь на практические опыты, если они будут *массовыми*, могут ответить *пушками* как только они станут опасными; *идеи* же, которые овладевают нашей мыслью, подчиняют себе наши убеждения и к которым разум

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 117.

² Там же. С. 115.

³ Там же. С. 116.

приковывает нашу совесть,— это узы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца, это демоны, которых человек может победить, лишь подчинившись им»¹.

С идеями вообще нельзя расправиться ни пушками, ни бранными словами, с другой же стороны, неудачные практические опыты реализации идей еще вовсе не довод против самих этих идей. И если вам какие-то идеи не нравятся, то вы должны проанализировать ту реальную почву, на которой эти идеи возникают и распространяются, т. е. найти теоретическое разрешение той реальной коллизии, того реального конфликта, внутри которого они возникают. Покажите, каким образом можно удовлетворить ту напряженную социальную потребность, которая высказывает себя в виде этих идей. Тогда — и не раньше — исчезнут и антипатичные вам идеи...

В этом — суть позиции молодого Маркса. Это — позиция не коммуниста, не марксиста в позднейшем понимании этого слова. Это просто позиция трезвого и честного теоретика.

Именно поэтому Маркс в 1842 году и обращается не к формальному анализу современных ему коммунистических идей (они и в самом деле были довольно наивны) и не к критике практических опытов их реализации (эти опыты и в самом деле были довольно беспомощны), а к теоретическому анализу той реальной коллизии внутри социального организма, которая эти идеи порождает, к выяснению той реальной потребности, которая выражала себя в форме идеи утопического социализма и коммунизма.

Вопрос вставал перед Марксом в следующей форме: возможно ли — а если возможно, то как именно — разрешить коллизии развития частной собственности на почве самой же частной собственности? Мирным путем.

Это опять-таки еще не позиция коммуниста. Но это — та позиция теоретика, которая заключала в себе возможность перехода на позиции коммунизма.

Эта позиция предполагала совершенно объективный и бесстрашный, ни перед чем не останавливающийся критический анализ социальной ситуации, которая складывалась в мире частной собственности, и именно в тех странах, где частная инициатива уже была максимально освобождена от всякой внешней — правовой — регламентации, — в Англии и Франции.

Итак, именно критика коммунистических идей — поскольку она мыслится Марксом как серьезно-теоретическая, а не как демагогически-идеологическая критика — оборачивалась критикой тех реальных условий жизни, внутри которых возникают и распространяются эти идеи.

Марксу с самого начала — даже тогда, когда эти идеи были ему антипатичны, — был чужд взгляд, согласно которому широкое распространение тех или иных идей можно объяснить деятельностью злоумышленников-агитаторов. Маркс считал — и я думаю, что это остается справедливым и по сей день, — что сочувствие и распространение получают лишь такие идеи, которые согласуются с реальными — независимо от этих идей вызревшими — социальными потребностями более или менее широких категорий населения. В противном случае самая красивая и заманчивая идея в сознание масс доступа не найдет, они останутся к ней глухи.

Именно поэтому факт распространения коммунистических идей во Франции и Англии Маркс и расценивает как симптом реальной коллизии,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. I. С. 118.

назревающей в недрах социального организма Франции и Англии, т. е. в тех именно странах, где частная собственность получила максимальную свободу развития всех своих возможностей, там, где с частной собственности были сняты все ограничения.

Поэтому именно «коммунизм» и рассматривается молодым Марксом как идейное течение, рождаемое движением самой «частной собственности». Поэтому до конца доведенная критика коммунизма и оборачивается критикой частной собственности, как «земной основы» коммунистических идей...

Это план критического анализа и становится для Маркса центральным, делается основной темой его «Философско-экономических рукописей»¹. И именно эта работа приводит его к выводу, что те фактически-эмпирические коллизии, на почве которых возникает сочувствие к идеям коммунизма, представляют собой не случайное, лишь для Англии или Франции тех дней характерное явление, а необходимый результат движения частной собственности как интернационального и всеобщего принципа организации всей социальной жизни. Маркс убеждается в ходе этого анализа, что фактически наблюдаемые во Франции и Англии коллизии суть необходимые последствия, вытекающие из самой «сущности частной собственности», что они уже имплицитно заложены в самом принципе частной, партикулярной собственности.

А если это так, то дальнейшее развитие этого принципа, его распространение на новые сферы деятельности и на новые страны уже с неизбежностью поведет к увеличению масштабов и остроты указанных коллизий, а тем самым — к расширению «эмпирической базы коммунизма», — к увеличению массы людей, способных увлечься коммунистическими идеями и видящих в них единственно возможный выход из беспросветных антиномий частной собственности.

Поэтому-то Маркс и принимает коммунистические идеи как необходимый феномен движения самой частной собственности, несмотря на то что эти идеи по-прежнему остаются для него неприемлемыми со стороны «положительной программы», в них выраженной.

Тот реальный — «грубый», как он его называет, — коммунизм, который выступает как непосредственный продукт движения «частной собственности», Маркс рассматривает здесь как движение, плохо понимающее свои собственные цели и задачи, как движение, лишенное еще подлинного теоретического самосознания. Рождаясь из движения частной собственности в качестве ее прямой антитезы, этот стихийный, массовый коммунизм и не может быть ничем иным, как той же самой частной собственностью, только с обратным знаком, со знаком отрицания. Он просто доводит до конца, до последовательного выражения, все имманентные тенденции развития частной собственности.

Поэтому в «грубом коммунизме», т. е. в стихийном умонастроении, вызываемом давлением антиномий частной собственности, Маркс 1843—1844 годов и видит прежде всего своего рода увеличивающее зеркало, отражающее миру частной собственности его собственные доведенные до конца, до их частного выражения, тенденции. (Коммунизм «в его первой форме является лишь *обобщением* и *завершением*» отношения частной собственности, «на первых порах он выступает как *всеобщая частная собственность*»².)

¹ Название этой работы Маркса дается в авторском написании.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 114.

Тем не менее, учитывая всю «грубость и непродуманность» этой первоначальной формы коммунизма, крайнюю абстрактность его положительной программы, Маркс расценивает ее как единственно возможный первый шаг на пути ликвидации «отчуждения», создаваемого движением частной собственности, как единственный выход из ситуации, нагнетаемой этим движением.

Вывод Маркса таков: хотя «коммунизм... как таковой... не есть цель человеческого развития, форма человеческого общества», тем не менее именно коммунизм «является... для ближайшего этапа исторического развития необходимым моментом эмансипации и обратного отвоевания человека. Коммунизм есть необходимая форма и энергический принцип ближайшего будущего...»¹.

Этот вывод Маркс-теоретик вынужден был сделать, несмотря на все свои антипатии к «положительной программе», к идеалам «грубого и непродуманного коммунизма».

Именно поэтому Маркс в 1844 году и становится открыто на позиции коммунизма, на позиции «отрицания частной собственности», а в качестве теоретика начинает видеть свою специальную задачу в том, чтобы вооружить реальное коммунистическое движение подлинно теоретическим самосознанием, т. е. осознанием не только ближайших, непосредственно-ситуативно продиктованных этому движению целей и задач, но и ясным осознанием его конечных целей и обязанностей перед всей человеческой цивилизацией.

Основной тезис, который отчетливо прорисовывается здесь сквозь отвлеченно-философскую (к Гегелю и Фейербаху восходящую) фразеологию, состоит, мне кажется, в следующем: простое, формально-юридическое «отрицание частной собственности» и учреждение общественной собственности на уже созданное обществом богатство есть действительно необходимый первый шаг, первый этап на пути социального прогресса. На этот шаг, на эту политически-юридическую акцию, неумолимо толкают и вынуждают людей коллизии мира «частной собственности».

«Грубый и непродуманный» коммунизм, т. е. движение, возникающее совершенно стихийно и независимо от каких-бы то ни было теорий и не освещенное светом теории, и есть это прагматически нацеленное на ближайшую, ситуативно диктуемую ему задачу, умонастроение. Оно вызвано совершенно стихийной силой давления «отчуждения», нагнетаемого движением частной собственности.

Но этот «грубый коммунизм», верно осознающий свою ближайшую цель — отрицание частной собственности, сочетается с иллюзией, будто бы эта чисто негативная акция и есть «положительное разрешение» всех проблем современной цивилизации.

Пропустив говоря, эта иллюзия заключается в представлении, будто чисто формальное превращение материального и духовного богатства, находящегося в собственности частных лиц («собственников»), в «общественную собственность», в «собственность всего общества», уже автоматически снимает и «отчуждение», что в этом «суть коммунизма».

(Эта иллюзия, естественно, может воспроизводиться нынче в головах непосредственных участников социалистических революций.)

Согласно же Марксу, формально-юридическое «обобществление собственности», учреждаемое политической революцией, есть всего-навсего

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 127.

первый (хотя и необходимо первый) шаг, есть лишь первый этап действительного «обобществления». Он создает лишь формальные — юридические и политические — условия *sine qua non* реального «присвоения человеком отчуждения от него богатства».

Подлинная же задача, составляющая «суть» марксизма, только тут и встает перед ним во весь свой рост, во всем своем объеме, хотя на первом этапе эта задача может вообще ясно не осознаваться. Эта задача — действительное освоение каждым индивидом всего накопленного в рамках «частной собственности» (т. е. «отчужденного от него») богатства.

При этом «богатство», которое тут имеется в виду, — это не совокупность «вещей» (материальных ценностей), находящихся в формальном владении, а богатство тех деятельных способностей, которые в этих вещах «овеществлены», «опредмечены», а в условиях частной собственности — «отчуждены».

Превратить «частную собственность» в собственность «всего общества» — это значит превратить ее в реальную собственность каждого индивида, каждого члена этого общества, ибо в противном случае «общество» рассматривается еще как нечто абстрактное, как нечто отличное от реальной совокупности всех составляющих его индивидов.

В этом и заключается подлинное отличие теоретического коммунизма Маркса (и вовсе не только «молодого», а и «старого») от того «грубого и непродуманного» коммунизма, который полагает, что коммунизм исчерпывается превращением частной собственности в собственность «общества как такового», т. е. безличного организма, противостоящего каждому из составляющих его индивидов и олицетворенного в «государстве».

В этой связи я хочу коснуться одного важного современного феномена, который последние годы обсуждается как в марксистской, так и в немарксистской литературе. Я имею в виду то явление, которое в западной литературе расценивается как «возврат» ряда марксистов от идей «старого Маркса» к идеям «раннего Маркса», как своеобразный «ренессанс» гуманистических тенденций, забытых якобы самим «старым Марксом».

В этом явлении иногда усматривают (и даже некоторые марксисты) тенденции к «дополнению», к «восполнению» идей зрелого Маркса идеями Маркса «раннего», Маркса как автора «Экономическо-философских рукописей 1844 года», толкуемых на экзистенциалистический лад.

С этой интерпретацией я позволю себе не согласиться, хотя сам феномен, послуживший основой для этой интерпретации, несомненно, имеет место. Несомненно, что в марксистской литературе последних десяти — пятидесяти лет наблюдается усиление интереса к проблеме личности, индивидуальности, к проблеме человека как субъекта исторического процесса, а в связи с этим — и к проблеме «отчуждения», точнее, к проблеме «обратного присвоения отчужденного богатства» и т. д.

Формально это выражается, в частности, в том, что в марксистской литературе большую роль, чем прежде, играет как тематика, так и фразеология «Экономическо-философских рукописей 1844 года», «Выписок из экономистов» и других «ранних работ». Это — факт. Факт, к которому я лично тоже имею отношение, усматривая в нем здоровую и плодотворную тенденцию внутри марксистской теоретической мысли — от идей «зрелого марксизма» к идеям марксизма «незрелого». Я вижу в нем прежде всего и исключительно тенденцию к более глубокому и более верному пониманию именно зрелого Маркса как автора «Капитала» и примыкающих к нему сочинений.

Я позволю себе утверждать, что весьма распространенная на Западе интерпретация развития взглядов Маркса от «Философско-экономических рукописей» к «Капиталу», согласно которой это развитие было связано с утратой интереса к проблематике гуманизма, представляет собой чистейшее недоразумение.

Если что-нибудь в этом процессе и утрачивается, то лишь некоторая часть специфически-философской фразеологии «Философско-экономических рукописей», и именно в пользу фразеологии более конкретной и в этом смысле более точной и строгой. Происходит не утрата понятий, а лишь утрата некоторых терминов, с этими понятиями связанных.

Доказать этот факт не составило бы никакого труда, это — чисто формальная процедура, процедура пространного цитирования, которой мне не хотелось бы утомлять присутствующих.

Конечно, зрелый Маркс уже не употребляет таких терминов, как «сущностные силы человека», предпочитая более точное выражение о «деятельных способностях человека». Несомненно, что зрелый Маркс более экономно (и более строго) пользуется термином «отчуждение», строжайшим образом различая это понятие от «овеществления», «опредмечивания» и тому подобных понятий.

Но для меня столь же несомненно, что вся реальная проблематика ранних произведений здесь воспроизводится полностью, и притом в более совершенной терминологической форме.

Совершенно очевидно, что процесс «отчуждения человека» в условиях беспрепятственного развития «частной собственности» (в ходе ее превращения в частнокапиталистическую) рассматривается здесь гораздо более подробно и конкретно. Гораздо более конкретно выступает здесь и проблема «снятия отчуждения» и «обратного присвоения» человеком «отчужденного» от него (движением частной собственности) богатства. Легко показать, что зрелый Маркс сохраняет и конкретизирует свое критическое отношение к тому «грубому и непродуманному коммунизму», который сохраняет еще сильнейшие родимые пятна своего происхождения из движения частной собственности и потому во многом заражен еще и нравственными, и теоретическими предрассудками (см., например, документы, характеризующие борьбу Маркса против прудонизма, против «казарменного коммунизма» Бакунина — Нечаева и т. д. и т. п.). Столь же очевидно, что зрелый Маркс (а вслед за ним и Ленин) никогда, ни в одной фразе своей теоретической биографии, не рассматривали акт превращения частнокапиталистической собственности в «государственную» собственность в качестве высшей и конечной цели коммунистического движения, а только как первый (хотя и необходимо первый) шаг на пути к созданию общества без государства, без денег, без насильственно-правовых форм регламентации человеческой жизнедеятельности, на пути к полной ликвидации «отчужденных» форм кооперированного труда. Тех самых форм, которые коммунистическое движение, не будучи в состоянии преодолеть сразу — декретом или насилем, — сохраняет на протяжении всей первой (социалистической) фазы своей зрелости. Сохраняет как признаки и показатели своей исторической незрелости.

Этим, кстати, дан ответ на 4-й вопрос «Проспекта симпозиума»: «западная» критика современного коммунизма, поскольку в ней заключается рациональное зерно, вся, от начала до конца, оказывается «имплицитно» самокритикой. Она справедлива, поскольку ее объектом оказываются те непреодоленные еще коммунистическим обществом тенден-

ции и феномены, которые унаследованы этим обществом от мира «частной собственности».

Однако все дело в том, что эти тенденции эволюцией социалистического общества преодолеваются, находятся на линии угасания, в то время как стихия товарно-капиталистической, а особенно монополистической собственности эти тенденции неизбежно усиливает.

Поэтому, скажем, кошмары Олдоса Хаксли и Джорджа Оруэлла * на самом-то деле — независимо от иллюзий самих авторов этих антиутопий — рисуют вовсе не перспективу эволюции социалистического общества, а как раз грозную перспективу развития частнокапиталистической формы собственности. Рисуя по внешним приметам и признакам «современный коммунизм», эти авторы на самом деле прочерчивают, по существу, линию дрейфа товарно-капиталистического строя жизни. Потому-то эти кошмары так и пугают гуманиста-интеллигента «западного мира». Нас они не пугают. Мы понимаем эти тенденции как наш вчерашний, хотя и не до конца еще пережитый день.

После всего сказанного я позволю себе утверждать, что для теории научного коммунизма никакой проблемы «редактирования зрелого Маркса» в духе Маркса «незрелого» никогда не возникало. Речь шла и идет именно и только о том, чтобы идеи «зрелого Маркса» превратить в личное достояние, в личную «собственность» каждого участника реального коммунистического движения и тем самым — всего коммунистического движения — во всем действительно философско-логическом и нравственно-гуманистическом содержании этих идей.

А не только тех непосредственных практически-политических выводов и лозунгов борьбы, которые ассимилируются стихийным движением, возникающим в недрах мира частной собственности, легче и быстрее всего остального, и во всяком случае легче, чем их философско-теоретическое обоснование и содержание.

И поскольку речь идет именно о «присвоении» этих идей каждым участником коммунистического движения, об их превращении в действительно теоретическое «самосознание» всего движения, постольку «Экономическо-философские рукописи 1844 года» могут и должны сыграть важную роль.

Ибо они были первым приближением теоретической мысли, воспитанной на почве классической западноевропейской культуры, к пониманию подлинного смысла и подлинных перспектив коммунистического движения, «естественным» переходным этапом от неопределенных еще позиций «гуманизма» и «демократии» к идеям практически действительного и конкретного понимания судеб гуманизма и демократии в мире «частной собственности».

От «Философско-экономических рукописей», от их принятия, можно идти вперед к действительному пониманию «Капитала», ничего не утрачивая из их содержания, кроме абстрактно-философской фразеологии. Но они действительно могут помочь в самом тексте «Капитала» рассмотреть те моменты, которые в противном случае могут и ускользнуть. А если они ускользнут, то «Капитал» и в самом деле покажется лишь «экономическим сочинением» в узком смысле этого слова — сухо-объективной экономической схемой, очищенной от всяких следов «гуманизма»... Но это уже будет не «Капитал», а лишь его грубо поверхностная интерпретация.

Верно то, что гуманистическая по существу ориентация мышления заключена уже в самом методе теоретического мышления зрелого Маркса, в его интерпретации диалектики как метода критического анализа условий

жизнедеятельности человека, а не просто как «объективности», чуждой человеку.

И этот момент в методе Маркса, в корне отличающий его от обнаженно «сциентистской» версии диалектики у Гегеля, можно легче рассмотреть через «Философско-экономические рукописи». Ибо в них как раз происходит также и процесс гуманистически-человеческой интерпретации гегелевской логики — как «отчужденного образа отчужденного (от человека) мышления», процесс «обратного присвоения» логики, отчужденной от человека и его деятельности в виде схемы-структуры абсолютного, надличного и безличного «духа».

В. И. Ленин был глубоко прав, когда заметил, что «нельзя вполне понять «Капитал», и особенно его первую главу, не проштудировав и не изучив всей логики Гегеля». Без этого условия понимание «Капитала» останется формальным, т. е. по тенденции — догматическим.

Для критического же усвоения действительного содержания гегелевской «Науки логики», т. е. для снятия с нее «отчужденной формы», «Философско-экономические рукописи» как раз и важны. Поэтому они в марксистской литературе последних лет и рассматриваются столь тщательно.

Но оживление интереса к проблематике «Философско-экономических рукописей» имеет еще один важный аспект. Оно возникло вовсе не из желания отдельных лиц «гуманизировать марксизм», как полагают авторы-экзистенциалисты. Желания отдельных лиц в масштабах исторического процесса могут иметь значение лишь в том случае, если они согласуются с потребностью, вызревшей в широком, объективно-массовом движении. Если этого нет, на эти желания никто не обратит внимания.

Дело в том, что проблематика, связанная с «обратным присвоением», с задачей «снятия отчуждения» и тому подобными категориями, за последние годы выросла во весь свой рост перед самым мировым коммунистическим движением.

Дело, на мой взгляд, заключается в том, что после осуществления коммунистическим движением первой своей акции — революционного превращения «частной собственности» в собственность всего общества, т. е. в общегосударственную и общенародную собственность, перед этим обществом как раз и встает вторая половина задачи. А именно — задача превращения уже учрежденной общественной собственности в действительную собственность «человека», т. е., выражаясь языком уже не «раннего», а «зрелого» Маркса, в личную собственность каждого индивида.

Ибо лишь этим путем формальное превращение частной собственности в общественную (общенародную) собственность может и должно перерасти в реальную, в действительную собственность «всего общества», т. е. каждого из индивидов, составляющих данное общество.

Решение этой задачи и совпадает с построением коммунизма в полном и точном значении этого теоретического понятия, т. е. с построением общества без денег и без государства, этих «отчужденных» образов всеобщности, подлинной общественной отношений человека к человеку, и предполагает устранение таких «вещных» посредников между человеком и человеком, как «деньги», или как особые механизмы государственной власти, заменяемые организацией самоуправления.

Со стороны «индивида» эта задача как раз и предстает как задача социальной педагогики, как задача превращения каждого индивида из односторонне развитого профессионала, раба наличного разделения труда во всесторонне развитую индивидуальность, способную без особого труда и личных трагедий менять виды деятельности.

Эта задача и выражена в формуле Маркса о том, что коммунистическое общество ликвидирует «разделение труда», заменяя его рациональным «распределением видов деятельности» — и притом между одинаково широко разносторонне развитыми индивидами, способными легко переходить от одного вида деятельности к другому.

Дело в том, что такие — всесторонне развитые — индивиды способны на деле осуществить организацию самоуправления и не будут нуждаться в управлении собой «сверху» — со стороны особого, противостоящего им государственного аппарата. С другой же стороны, только такие индивиды будут выведены из-под контроля слепых и стихийных сил рынка, рыночной формы взаимоотношений между человеком и человеком, чего не в состоянии обеспечить мир частной, тем более частнокапиталистической собственности.

В странах, где установлена законом общественная, общенародная форма собственности на все блага культуры, неизбежно встает задача перерастания этой формы собственности в личную собственность каждого члена общества, т. е. социалистической формы общественной собственности (сохраняющей еще от мира частной собственности унаследованное разделение труда, а потому — и деньги, и правовую форму регламентации деятельности, и государство как особый аппарат управления людьми) — в коммунистическую форму собственности, не нуждающуюся уже более в «вещных», вне индивида находящихся «посредниках».

Необходимость перерастания социалистической формы собственности в коммунистическую форму взаимоотношений человека с человеком диктуется здесь вовсе не интересами и престижем «доктрины», а давлением реальных потребностей, возникающих в условиях, в движении «общественной особенности», ее специфических противоречий.

Для общества, учредившего и отстаившего принцип «общественной собственности», эта перспектива представляет собой вполне реальную, не утопическую перспективу.

Если же сохраняется «частная собственность», то мечта о «снятии отчуждения» во всех его формах остается исключительно мечтой, для реализации которой нет не только политически-правовых, но и экономических условий.

Этим принципиально и отличается позиция марксистов-коммунистов, ставящих в наши дни вопрос о «снятии отчуждения», от позиции экзистенциалистов.

Непосредственно кооперированные, т. е. сознательно объединившиеся вокруг общего (коллективного) дела, индивиды оказываются не только способны, но и вынуждены взять на себя осуществление всех тех деятельных функций, которые движение «частной собственности» от них отчуждает. По мере созревания реальной кооперации (или формы общения, как ее называет Маркс) «отчужденные, то есть иллюзорные, формы всеобщности» начинают делаться не только излишними, но и прямо чужеродными образованиями. Самое движение обобществленной собственности начинает упираться в них как в препятствие. Поэтому само движение общественной собственности приводит к необходимости «снимать» одну форму отчуждения за другой, передавая их самим непосредственно-кооперированным индивидам.

Это — объективно неустранимая тенденция движения общественной формы собственности — восстановление полноты индивидуального развития, в то время как столь же неустранимой тенденцией движения частной собственности остается обратная перспектива — отнятие у индивида одной за другой его деятельных функций в пользу анонимной

«тотальности», вне индивида находящихся социальных институтов и учреждений.

Для индивида это две полярно противоположные перспективы. Именно поэтому коммунизм имеет и может предложить людям реальный, земной идеал и цель их коллективной самодеятельности, а мир частной собственности вынужден апеллировать в этом пункте к той или иной форме «иллюзорной всеобщности» — трансцендентно-религиозной или трансцендентально-моральной. Мир частной собственности вынужден искать противовес дегуманизирующим тенденциям объективно вынужденного развития — вне этого развития — в религии и морали. Мир общественной собственности этого делать не вынужден, ибо антиномию между «личным» и «всеобщим» он разрешает на пути развития самой формы собственности, а не вне ее, не в небесах религии и морали. Где она, кстати, и неразрешима...

Поэтому-то и получается, что марксистский коммунизм в XX веке оказывается единственной рационально обоснованной доктриной, могущей предложить людям земной идеал их коллективно осуществляемой самодеятельности. Поэтому марксизму ныне противостоит не «другая» теоретическая доктрина, а отсутствие доктрины.

Этим вполне и объясняется то обстоятельство, что рационалистически ориентированные на реальность люди в конце концов, после более или менее продолжительных колебаний, либо принимают принципы коммунизма, либо впадают в социальный пессимизм, выраженный не только в теоретической литературе, но и в таких шедеврах искусства, как «1984» Джорджа Оруэлла или как «Молчание» Ингмара Бергмана *.

Я лично предпочитаю коммунизм, открывающий человечеству реальную, хотя и трудную, перспективу.

В заключение я хотел бы коротко сформулировать свой ответ на те четыре вопроса, которые были сформулированы в проспекте данного симпозиума.

1. Какие элементы подлинного учения Маркса стали неотъемлемыми от «западных» традиций и почему?

— Если под «западными» традициями имеются в виду лишь традиции, связанные с апологетикой «частной собственности», то — никакие. Ни один из элементов «подлинного учения Маркса» с этой установкой принципиально совместить, на мой взгляд, невозможно.

2. Какие элементы подлинного учения Маркса не вошли в западное мировоззрение, хотя и заслуживают, может быть, того?

— Заслуживает того, по-моему, все учение Маркса в целом, и прежде всего тот принцип его доктрины, согласно которому движение «частной собственности» своим имманентным движением «снимает» само себя в составе «общественной формы собственности». Все остальное — это подробности, утрачивающие без этого принципа весь свой теоретический смысл.

3. Какие элементы подлинного учения Маркса отвергаются современным коммунизмом и почему?

— Если иметь в виду принципиально-теоретические положения, а не те или иные частные случаи их применения, целиком объясняемые из меняющихся условий места и времени, то я не знаю в составе теории Маркса таких тезисов, которые современный коммунизм был бы вынужден отвергать. Так что этот вопрос для меня лишен смысла.

4. В какой мере западная критика коммунизма, понятая в ее справедливом содержании, оборачивается против самого Запада и его традиций, т. е. имплицитно оказывается самокритикой?

— Это весьма интересный вопрос. Я думаю, что если такая критика имеет в виду те эмпирические явления внутри современного коммунистического мира, которые подлежат осуждению и преодолению также и с точки зрения марксистской теории (а только такую критику мы и согласны считать справедливой), то она неизбежно возвращается рикошетом, как бумеранг, в адрес «западной культуры», в принцип «частной собственности».

Дело в том, что такая критика, как правило, направляется не на принципы коммунизма, которых она совершенно не касается, а прежде всего на те явления, которые в составе современного коммунизма представляют собой не преодоленное еще «наследие» мира отчуждения, мира частной собственности,— на те черты «грубого и непродуманного коммунизма», который только что рождается из мира частной собственности и потому носит еще на себе следы своего рождения.

На социалистическую революцию поднимаются широкие массы, психология которых сформирована еще в условиях мира «частной собственности», и эта психология дает знать себя еще долгое время после переворота, после акта обобществления частной собственности. Это — то, что мы называем «пережитками частной собственности» — и в экономике, и в нравственной сфере.

Как пример можно упомянуть явления, связанные с «культом личности»,— явления, принципиально чужеродные коммунизму как таковому, как принципу революционного преобразования мира «частной собственности».

Естественно, что коммунизм на первых порах своей исторической зрелости, на первой стадии обобществления собственности, вынужден пользоваться средствами, созданными не им самим, а движением той самой частной собственности, которую он преодолевает, вынужден сохранять еще такие формы «внешней регламентации», как государство, как формальное право, опирающееся на насилие, как деньги и тому подобные феномены.

Но эти феномены отмирают по мере созревания коммунизма, в то время как мир частной собственности неизбежно воспроизводит их в расширенных масштабах.

Коммунизм развивается в направлении полной ликвидации всех «отчужденных» форм регламентации индивидуальной деятельности, в то время как частная собственность своим движением углубляет «отчуждение».

Поэтому все те моменты, которые являются «справедливыми» в критике наличной, сегодняшней стадии развития коммунистического общества, ее исторически объяснимых «недостатков», которые неизбежно исчезнут завтра, с неизбежностью направляются против завтрашнего дня «частной собственности».

В коммунизме «государство» имеет тенденцию к отмиранию. В мире частной собственности, напротив, государство имеет тенденцию к усилению, к развитию в направлении к «тотальному государству» — это достаточно отчетливо доказала история германского фашизма.

Эволюция коммунизма ведет к передаче функций государства, как особого, противостоящего «обществу» аппарата, самому обществу, т. е. коллективу индивидов, объединяющих свои усилия вокруг непосредственно запланированных общих задач.

В мире же частной собственности «государство» неизбежно конструируется как необходимый «противовес» анархии конкурирующих интересов, как сила, противодействующая центробежным тенденциям «частной инициативы».

И если иметь в виду перспективы (а не только сегодняшний день), то все «справедливые» моменты в «западной» критике современного коммунизма неизбежно направляются не против коммунизма, как тенденции развития и принципа преобразования, а как раз против будущего мира частной собственности, т. е. против его сегодняшних неодолимых тенденций.

Это рассуждение можно и обернуть: коммунистическая критика «Запада» имеет в виду не только «Запад», но и те еще не преодоленные им феномены мира «частной собственности» внутри своей собственной структуры, которые находятся в процессе исчезновения, но еще, к сожалению, не исчезли и потому мешают изнутри процессу созревания коммунизма.

Это — и анархия «частных» (местных и ведомственных) интересов, и тенденция к формально-бюрократической регламентации, и многие другие тенденции, коммунизму органически чужеродные, поскольку они унаследованы именно от мира частной собственности и его традиций.

И чем более зрелым будет становиться современный коммунизм, тем меньше оснований для «справедливой» критики он будет предоставлять Западу, тем более ясно будет обнажаться та истина, что «западная критика коммунизма» является на все сто процентов (поскольку она не демагогична) самокритикой самого Запада, критикой его собственных тенденций, ведущих к усилению и углублению отчуждения, «дегуманизации» и тому подобных феноменов.

О «СУЩНОСТИ ЧЕЛОВЕКА» И «ГУМАНИЗМЕ» В ПОНИМАНИИ АДАМА ШАФФА

(О книге А. Шаффа «Марксизм и человеческий индивид»)

Адаму Шаффу не откажешь в храбрости, с какой он формулирует на философском языке некоторые острые и щекотливые проблемы, связанные с трудностями осуществления коммунистических идеалов в нашем несовершенном эмпирическом мире, в реальных условиях пространства и времени. Он называет своими именами вещи, которые подчас стараются обозначить фигурами умолчания, а потом сердятся, когда эти вещи начинают смаковать антикоммунистическая пропаганда. Адам Шафф убежден, что коммунистическое движение ныне достаточно могуче, чтобы позволить себе такую роскошь, как самокритика, тем более что самокритика — не роскошь, а гигиена. Он не устает повторять эту совершенно справедливую, хотя и слишком очевидную истину; он говорит, что спокойный, трезвый и точный диагноз — это необходимая предпосылка и условие успешной терапии, что закрывать глаза на известные болезни, делая вид, будто их нет, — значит способствовать их развитию и распространению, загоняя их внутрь, ниже порога официально-теоретического сознания, — так сказать, в подкорковые области общественно-человеческого мозга и т. п.

Адам Шафф хочет рассмотреть сквозь увеличительные стекла философских понятий того зловредного микроба, который вызывает неприятную болезнь — болезнь взаимной отчужденности между людьми, строящими социализм. Болезнь, которая в известных условиях может вылиться даже в прямую враждебность между ними, — болезнь «отчуждения».

Того самого «отчуждения», которого, если верить некоторым чересчур оптимистичным писателям, при социализме не только нет, но и быть не